

Андрей Бичев, или смешны мне люди. Комедия. Сочинение Эраста Перцова.

СПб. В т. X. Гинце. 1833. VIII и 75 стр. in 8.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

Нельзя назвать этой комедии обыкновенным явлением русской драматургии; нельзя, даже по тем требованиям, которые выставлены в предисловии к ней. Сверх того, автор долго трудился над нею, печатал отрывки из нее в журналах и, кажется, ожидал от нее многого. Один из известных критиков русских, г. Пласин, в печатной рецензии признал комедию г-на Перцова явлением, подобным "Горю от ума", и подтвердил свое мнение в изданной им истории русской литературы. После всего этого мы обязаны заняться тщательным рассмотрением комедии г-на Перцова, дабы узнать, до какой степени оправдал автор свои надежды и до какой степени справедливо мнение г-на Пласина. В наше время критика есть неизбежная спутница литературы: ее суждение должно быть едва ли не важнее самых произведений словесности, ибо история представляет нам целые литературы, гибнувшие от несправедливой хвалы или безотчетного порицания. Столетиями надо было излечать болезни, привившиеся от нескольких понятий навыворот правил. Современная критика стоит на страже: ее дело предупреждать гибель будущих Корнелей и Расинов наших. Отнюдь не принимая на себя столь важной обязанности во всей полноте ее, мы, однако ж, обязаны делать возможное, по силам.

В предисловии к комедии г-на Перцова, написанном им самим или близким к нему человеком, которого мнения разделяет он (ибо иначе он не допустил бы его говорить за себя), в предисловии изложена некоторым образом теория комедии. Или автор следовал ей, или она извлечена из его сочинения; но во всяком случае она неосновательна до такой степени, что вся наша статья будет опровержением ее. Поговорим сначала собственно об этой теории и потом о комедии "Смешны мне люди" как о практическом выводе из оной, как об ее осуществлении.

"Комедия, которой завязка основана ни на любви, ни на женитьбе, даже ни на волокитстве, комедия без запутанной интриги, без театральных эффектов, словом, комедия, в которой нет ни одного из принятых, привычных условий для сочинений такого рода, может с первого раза показаться странною. Но тем не менее она есть уже новость, по крайней мере замечательная своею оригинальностью, если других похвальных эпитетов не заслуживает; а желание быть оригинальным, в какой бы ни было литературе, не только в нашей, ужели достойной упрека?" (предисловия стр. IV). Здесь слово *оригинальность* понято не в настоящем его значении, и, может быть, в этом состоит главная ошибка автора. Оригинальность не приобретается теориями. Желание быть оригинальным не есть еще сама оригинальность. Если автор полагал что для него довольно было одного этого желания то он весьма ошибся. Не только не дает оно творческой силы, поэтического взгляда и языка, но и может произвести совершенно противоположные действия. Оригинальность без силы есть жалкая уродливость нравственная. Она есть также некоторым образом подражательность, но не имеющая цели, безличная, словом, она ничтожество. Где человек гениальный возносится исполином в огромных формах, там оригинал (ибо это собственное название желающего быть оригинальным без силы) становится на цыпочки; где один бывает увлекателен, высок, прекрасен, ибо каждая мысль его, каждое стремление и каждый оборот запечатлены оригинальностью, там другой бывает смешон, мелок, безобразен, ибо везде выказывает он свои ничтожные формы, свой мелкий ум, свои бедные способности. Он подражает тому, чему нельзя подражать, и, нет сомнения, уже лучше было бы подражать чему-нибудь более достижимому, где был бы он по крайней мере усердным работником.

Так понимая оригинальность, мы никак не можем согласиться с автором, будто всякое желание быть оригинальным достойно хвалы. Многие, очень многие были бы предостойными хвалы людьми, если бы мысль автора была справедлива. Повторим: оригинальность есть дар; нельзя научиться ему или приобрести его.

Но нам говорят с неуважением о комедиях с запутанными интригами, с театральными эффектами, с женитьбою и волокитствами и думают, что отсутствие этих *привычных* условий есть уже достоинство. Едва ли. Интрига, более или менее запутанная, и театральные эффекты были и всегда останутся принадлежностью комедии. Мы понимаем их не так, как современники Людовика XIV: честь нашему веку, если он внушил нам истинные понятия! Мы не основываем интриг на волокитстве и женитьбе исключительно: вот весь успех наш! Мы убедились, что всякое явление комическое может быть предметом комедии; но зато мы едва ли не на прежней точке во взгляде на отношения художника к